

Галян С. В. История как аргумент: риторика политической поэзии Ф. И. Тютчева / С. В. Галян // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 46—57. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-46-57.

Galyan, S. V. (2017). History as Argument: Rhetoric of Political Poetry by F. I. Tyutchev. *Nauchnyy dialog*, 7: 46-57. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-46-57. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Тютчев.07:808.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-46-57

История как аргумент: риторика политической поэзии Ф. И. Тютчева

© **Галян Софья Витальевна (2017)**, orcid.org/0000-0002-8143-0066, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (Сургут, Россия), sofiavit@mail.ru.

Рассматривается политическая поэзия Ф. И. Тютчева с точки зрения функционирования в ней классической риторической традиции. Автор статьи исходит из того, что в политических стихотворениях поэта наиболее ясно выразились его историософские идеи о роли России во всемирной истории, о необходимости объединения славянских народов и др. Многие из этих идей весьма спорны, поэтому риторическая задача — убеждение оппонентов — должна была решаться проверенными и эффективными способами. Приемы, характерные для жанра оды, Тютчев использовал в качестве «готового слова» в случаях, когда вопрос, лежащий в основе политического стихотворения, нуждался в эффективной аргументации. Жанровые признаки оды, благодаря «витийственной» риторической установке, соответствовали этой задаче. Автор статьи утверждает, что в политической поэзии Тютчев также использовал приемы ораторского искусства, в том числе судебного красноречия. Показано, что многие его стихотворения построены как публицистическая или судебная речь, в строгом соответствии с требованиями к композиции подобных текстов. Автор статьи приходит к выводу о том, что для доказательства политических идей поэт использует два вида аргументов: доводы и примеры со значительным преобладанием последних. В статье подробно описаны случаи употребления аргументов-доводов и аргументов-примеров в конкретных текстах, а также дан анализ стихотворения «Encyclica» как «связанной» речи, обладающей всеми признаками риторического текста.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев; политическая поэзия; риторика; одическая традиция; виды аргументов.

1. Политическая поэзия Тютчева и риторическая традиция

В тютчевоведении весьма распространено мнение, что политическая поэзия Тютчева настолько менее художественна, чем его лирика, что имеет

второстепенное значение и не заслуживает особого внимания. Однако каждое стихотворение поэта являет собой частный случай проявления авторского сознания, и целостное представление о поэтической индивидуальности Тютчева можно составить, только изучая весь корпус его произведений. Еще Н. Оцуп отмечал, что некоторых стихов, когда «Тютчев прикасается не к поверхности события, а к стихии, скрытой за ним, <...> довольно для реабилитации политических стихов поэта, уступающих другим его стихам, но неотъемлемых от его творчества» [Оцуп, 2005, с. 118]. Способность Тютчева видеть глубинный смысл события, его «стихию» распространяется отнюдь не только на натурфилософскую или любовную лирику. Более того, некоторые особенности творчества поэта ярче всего выделяются именно в дискурсе его политической поэзии, в частности, ориентация на одическую традицию.

Ю. Н. Тынянов писал о развитии оды как жанра по окончании ее «золотого века». Одический канон разрушался, но жанр «все-таки не переставал осознаваться одой, пока формальные элементы были закреплены за основной речевой функцией — установкой» [Тынянов, 1977, с. 245]. Именно благодаря «витийственной» риторической установке, то есть использованию «готового слова» (по Веселовскому) для эффективного воздействия на аудиторию, ода оставалась востребованной и в XIX веке. «“Готовое слово”, — пишет А. В. Михайлов, — есть вообще все то, что ловит автора на его пути к действительности, что ведет его <...> путями общими, заранее уже продуманными, установившимися и авторитетными» [Михайлов, 1994, с. 332]. Однако в поэзии Тютчева не «готовое слово» ловит поэта на его пути к художественному творчеству, а, наоборот, поэт эксплицитно использует жанровые признаки оды как одну из *многих* стилистических возможностей, поэтому одические приемы становятся признаком индивидуального стиля. В качестве «готового слова» Тютчев использовал приемы ораторского искусства, классической риторики для убеждения читателя / слушателя. Одическая интонация и все конституирующие жанровые признаки оды как нельзя лучше соответствовали этой задаче.

Определение «риторический поэт» считает очень продуктивным для Тютчева М. Л. Гаспаров: риторический, «т. е. такой, для которого безразлично, заполняется ли риторическая схема вечными философскими или злободневными публицистическими проблемами; тем самым снимается <...> разрыв между “настоящим”, глубоким и “ненастоящим”, газетным Тютчевым» [Гаспаров, 1997б, с. 344]. Именно в политической поэзии наиболее ясно выразилась тютчевская идея провиденциальности истории России и всего человечества. Тютчев «постоянно пребывал на пороге “двойно-

го бытия», на грани веры и безверия» [Тарасов, 2011, с. 10], но в границах своей историософии он был уверен, что без веры в Бога исторический процесс неизбежно приобретает уродливые формы. Поэт также был убежден в особой роли России и особом пути ее развития. «Истинный защитник России, — писал Тютчев, — это *история*; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу» [Тютчев, т. 3, с. 49].

Риторическое высказывание всегда обращено к конкретному объекту этого высказывания, адресату. Разумеется, любой текст апеллативен, поскольку создается в ответ на какой-либо вопрос. Но в художественных текстах, особенно в лирике, этот вопрос бывает непросто сформулировать: художественные образы преобладают над логикой. В политической же поэзии Тютчева идея, то есть ответ на спорный вопрос, обычно выражена ясно.

Классическая риторика делит вопросы «по отношению к слушателям <...> на те, по которым нужно или приобрести сведения, или принять решение, или вынести оценку» [Гаспаров, 1997а, с. 558]. В политической поэзии Тютчева в пределах одного текста могут сосуществовать и последовательно разрешаться вопросы всех типов, в отличие от практического красноречия — судебного или торжественного, где эти типы вопросов обычно не смешиваются. Например, в стихотворении «Как дочь родную на закланье...» (1831) вопрос, по которому нужно приобрести сведения, может быть сформулирован следующим образом: за что «кровь русская лилась рекой»?; вопрос, по которому нужно принять решение путем аналогии, звучит так: если Агамемнону, принесшему «дочь родную на закланье», сопутствовала удача, то удастся ли России «грозой спасительной примера / Державы целость соблюсти», если она принесет в жертву Варшаву?; и вопрос, требующий вынести оценку, таков: взятие русскими войсками Варшавы, столицы одного из славянских народов, — это хороший, полезный, справедливый поступок?

2. Типы аргументов в политических стихотворениях Тютчева

Аргументы в ораторской речи делятся на доводы (*argumenta*) и примеры (*exempla*). Доводы — «это (с убывающей степенью бесспорности) очевидное для всех, общепризнанное для всех, установленное законами, установленное обычаями, принимаемое обеими сторонами, не отвергаемое обеими сторонами» [Гаспаров, 1997а, с. 563]; примеры же призваны убеждать слушателя / читателя не с помощью логики, а по сходству сомнительного или спорного факта с таким, который не вызывает споров или сомнений.

Тютчев обладал обостренным чувством истории; исторические события для него имели «живую прелесть естества». События далекого прошлого, согласно тютчевской историософии, способны влиять (и влияют) на настоящее и будущее. Казнь Яна Гуса в Праге («Гус на костре»), битва на Коссовом (в тексте Тютчева так. — С. Г.) поле или у Белой Горы («Славянам») имеют такую же, если не большую, власть над современностью, как политические решения государей и полководцев. Причем события, отстоящие друг от друга на века и тысячелетия, могут быть связаны по-разному: причинно-следственными отношениями, когда состояние дел в государстве определяется его историей; но события прошлых эпох могли восприниматься и как пример, отрицательный или положительный.

Тщательно избираемые Тютчевым исторические события, таким образом, в его стихотворениях приобретают функции аргументов, доказывающих его политические убеждения.

Особую роль «цитируемая» и представляемая в «картинах» история играет в стихотворениях, композиция которых строится по принципу «тогда — теперь»: «К Ганке» (1841), «Венеция» (1850) и др. На первый взгляд, эти фрагменты текста не аргументируют, но лишь иллюстрируют идею. Однако это не совсем так.

Стихотворения (преимущественно элегического характера) с ностальгическим воспоминанием о прекрасном, но, увы, невозвратимом прошлом, весьма типичны для романтиков. Но Тютчев использовал композицию «тогда — теперь» отнюдь не только для натурфилософской или любовной лирики. Историческая ретроспектива в его политических стихотворениях — это возможность связать исторические фрагменты в единую картину. Для лирического субъекта политических стихотворений Тютчева «тогда» и «теперь» принципиально ничем не различаются, поскольку история вершится по одним и тем же законам, независимо от времени событий.

Так, стихотворение «К Ганке» — поэтическое письмо чешскому ученому и деятелю культуры Вацлаву Ганке, стороннику и пропагандисту идей славянского союза, — начинается с вопроса: *Вековать ли нам в разлуке?* [Тютчев, т. 2, с. 16]. Но есть и иная перспектива: *...подать друг другу руки / Нашим кровным и друзьям?* [Там же].

Это сопоставительный вопрос, требующий выбора решения или действия: будут ли славянские народы продолжать отдаляться друг от друга и даже враждовать — или, в силу родства по крови, вере, языку, смогут объединиться.

Авторская позиция в тексте выражена ясно и недвусмысленно, однако риторическую задачу — убедить оппонентов — еще предстоит решить.

Доказательство идеи необходимости объединения славян начинается с так называемого «отрицательного» аргумента, суть которого — изложение последствий неправильного, с точки зрения оратора, решения. Доводы лирического субъекта (а это именно аргументы-доводы) апеллируют к неоспоримым, общеизвестным историческим фактам: действительно, были битвы между славянскими народами («Меч терзал родную грудь»); не вызывает сомнения то, что в некоторых странах иноземное влияние становится сильнее славянских корней (*Тех обезъязычил немец, / Этих — турок осрамил*). Тютчев ретроспективно описывает века разобщенности славян (*Веки мы слепцами были*) — все то, что привело к *ночи темной*: ситуация доведена до крайности, становится нестерпимой. И появление такого человека, как Ганка, — это, по Тютчеву, историческая закономерность, вся предшествующая история славян взывала к этому. «Довод» занимает 8 катренов из 10, подготавливая аудиторию к принятию идеи, выраженной в последних двух четверостишиях. Следует отметить, что простое перечисление исторических фактов не стало бы аргументом, если бы не подкреплялось экспрессивной лексикой (*вражды безумной семья, жалкие слепцы* и т. д.), поэтическими метафорами и другими средствами воздействия на аудиторию.

Аргументы-доводы Тютчев использовал в таких стихотворениях, как «Неман» (1853), послание «Его светлости князю А. А. Суворову» (1863), «Сын царский умирает в Ницце...» (1865) и др.

Тютчев постоянно искал способ влиять на внешнюю политику России, донести свои взгляды до августейших особ. Вряд ли он мог это делать как чиновник, но поэту было позволено больше. И политические стихотворения Тютчева — это способ, с помощью которого поэт мог говорить с властью.

3. Принцип «pars pro toto»

Pars pro toto (лат.) — часть вместо целого — принцип составления аргументов типа «пример». Если единичный случай, имевший место когда-либо, получает определенную, однозначную, всеми принятую оценку, то он, будучи использован в качестве цитаты или реминисценции, приобретает черты метафоры и императивно диктует читателю / слушателю мнение или эмоцию по отношению совсем к другому случаю. «“Факт” предстал в свете “принятых мнений”» [Гаспаров, 1977а, с. 567]. Во многих политических стихотворениях Тютчева подробно описывается не «случай» или «деяние», по поводу которого они и были созданы, а исторический или мифологический «аналог» этого «случая». Этот фрагмент текста приоб-

ретаёт функции аргумента и коррелирует с точно и лаконично выделенным смысловым ядром события, современного поэту. Остальной текст, как правило, — это амплификация риторических приемов, основная цель которых — «возбудить страсти». Так построены, например, стихотворения «Пророчество» (1850), «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..» (1850), «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая» (1855), «Гус на костре» (1870) и др.

Несмотря на то, что аргументы-примеры сложнее для исполнения в речи, поскольку, в отличие от доводов, нуждаются в дополнительной разработке, в политической поэзии Тютчева их значительно больше. Сложность и неоднозначность политических идей Тютчева, их спорный характер побуждали апеллировать не столько к логике, сколько к эмоциям аудитории. Недаром Тютчев, понимая силу художественного слова, к концу 60-х годов перестал писать публицистические произведения, а свои политические идеи излагал в поэзии. В аргументах-примерах необходимо убедительно доказать схожесть смыслов событий или деяний, отстоящих друг от друга на века. Смыслом («смысловым ядром», по Гаспарову) событий или деяний, являющихся предметом ораторской речи, мы будем считать их интерпретацию, дающую ответ на основной вопрос этой речи. Покажем это на примере.

Основной вопрос стихотворения «Гус на костре» имеет статус определения, то есть выясняет отношение поступка к норме, закону. Он может быть сформулирован так: почему чешскому народу необходимо отказаться от главенствующей роли римско-католической церкви и воссоединиться с другими славянскими народами. В статусе определения, — пишет А. А. Волков, — «задачей аргументации является <...> подведение нормы под факт, а не факта под норму: факт принимается как константа, нормы являются переменными» [Волков, 2009, с. 153]. Неоспоримым историческим фактом является казнь Гуса в 1415 году, но квалифицировать этот факт можно двояко: с не утратившей актуальности в XIX веке точки зрения Рима — и с точки зрения православия и идей панславизма. Итак, *quid sit?* Что это?

«Пример» представляет собой развернутую картину казни Яна Гуса. Подробно, даже с признаками ретардации, описывается, как разгорается костер, как по-разному реагируют на происходящее люди, как, «уже обвеян огненным сияньем», молится «праведник великий». Цель нанизывания ужасных подробностей — вызвать у аудитории гнев против палачей и сострадание к жертве.

Любопытно, что в подтексте «примера» мерцает другой вид аргумента — «довод», аллюзия на евангельские истории о страстотерпцах, которые

стали жертвами языческого Рима на заре христианской эпохи. Отношение к великомученикам в христианском мире совершенно однозначно, их подвиги свидетельствуют о крепости истинной веры и показывают пример всем христианам. Тютчев строит аргумент на аналогии страданий первых христиан, казни Гуса и современной поэту ситуации отношений Чехии и Ватикана, используя риторический прием «присвоение»: «чем хуже нам, тем лучше нашему делу». Это ответ на основной вопрос текста. Образ казненного Яна Гуса, одного из многочисленной плеяды мучеников за веру, напоминает славянским народам о том, что их родство достигнуто страшной ценой и не должно быть предано: *О чешский край! О род единокровный! / Не отвергай наследья своего!* [Тютчев, т. 2, с. 217]. Участвующие в действии лица четко разделены по отношению к нравственным нормам, что вообще характерно для политической поэзии Тютчева. П. Н. Толстогузов отмечал «четкое разграничение апологетики и инвективы в программной политической поэзии <...> на фоне принципиального смешения этих начал в натурфилософской лирике» [Толстогузов, 2003, с. 329]. Причем как апологетика, так и инвектива у Тютчева поддерживается историческими «примерами». В стихотворении «Пророчество», например, необходимость явления «всеславянского» царя мотивируется «древним гласом», звучащим под сводами Древней Софии [Тютчев, т. 2, с. 4]; а в инвективе «Нет, карлик мой! трус беспримерный!...», обращенной к государственному канцлеру Нессельроде, мысль об особой «всемирной судьбе России» аргументируется тем, «что ей завещано веками»: *То, что Олеговы дружины / Ходили добывать мечом, / То, что орел Екатерины Уж прикрывал своим крылом, — // Венца и скиптра Византии* [Тютчев, т. 2, с. 5].

Особо следует упомянуть о таком источнике аргументации в политических стихотворениях Тютчева, как античная мифология и Библия. Несмотря на «литературность», вторичность этих примеров, нет оснований говорить о том, что они выполняют иную, чем исторические факты, функцию. Например, в стихотворении «Не в первый раз волнуется восток...» идея автора о необходимости вмешательства России в турецко-армянский конфликт подкрепляется библейским «примером» о Понтии Пилате, «умывающим руки». А уверенность в создании русского государства почти в границах Евразии аргументирована тем, что пророк Даниил предрек появление царства, которое «сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (2: 44). Любое историческое событие, мифологический или библейский сюжет у Тютчева могут стать аргументами-примерами. Действующую силу в тютчевских текстах имеет и Слово. «Да сбудутся ее судьбы...» [Тютчев, т. 1, с. 102] — подобно

этой знаменитой фразе, которая в устах Наполеона означала крушение России, но в исторической перспективе приобрела совсем иной смысл, любое историческое событие, деяние (в том числе Слово) может служить прецедентом для потомков.

4. Стихотворение «Encyclica» как «связанная» речь

«Encyclica» [Тютчев, т. 2, с. 46] — одна из самых страстных политических инвектив Тютчева. Стихотворение было написано 21 декабря 1864 года в ответ на публикацию энциклики Папы Римского Пия IX, в которой понтифик перечислил и осудил «заблуждения века», к которым отнес и свободу совести. В стихотворении нет прямой апелляции к обвиняемому лицу, поэтому его нельзя отнести к инвективе как жанру — это, скорее, судебная обвинительная речь, построенная, несмотря на небольшой размер текста, по всем правилам подобных речей.

В начале стихотворения Тютчев напоминает историю разрушения римлянами Второго Храма в Иерусалиме и гибели первосвященника. В конце лирический субъект предвещает такую же бесславную гибель понтифику. Для того чтобы понять эту аналогию, нужны некоторые пояснения. То, что первосвященник бы заколот «собственным мечом», отнюдь не означает, что он совершил самоубийство или враг убил его, завладев его мечом. Первосвященник Анна был убит не римлянами, а жеромтами, восставшими соплеменниками-иудеями, еще до начала осады Иерусалима войском Тита. Таким образом, «собственный меч» — это порождение иудейской идеологии, недостатка веры, в чем вина храмового священника несомненна, как несомненна, по Тютчеву, его пастырская несостоятельность. Точно так же, как первосвященник Иерусалимского храма, Папа Римский, которого поэт называет «лженаместником Христа», погибнет не от врага (*Не от меча погибнет он земного*) — его погубит роковое слово, произнесенное им самим. В качестве аргумента Тютчев использовал исторический «пример».

Вступлением к речи (первый катрен стихотворения) поэт привлекал внимание и добивался первичного понимания проблемы: экспрессивная лексика (*громил, дробил*), просторечное *издыхал* не оставляют сомнений в отношении субъекта высказывания к «ветхозаветному храму». Повествование — следующая композиционная часть речи — представляет собой историю Римской церкви и ее иерархов. У этой истории есть прошлое, но нет будущего: по Тютчеву, «отступнический Рим» и «лженаместники Христа» обречены. Вынося главное обвинение — преступную фразу понтифика — в последний стих текста, поэт в заключительной

части добивался возбуждения у аудитории необходимой страсти: гнева, негодования. Таким образом, стихотворение «Encyclīca» представляет собой «связанную» речь, то есть такую, которая «имеет начало и конец по собственной сути, а вместе с этим удобообозримую величину» [Гаспаров, 1997а, с. 582].

Стихотворение строится по классической диалектической триаде «тезис — антитезис — синтез». Непростительная ложь и маловерие «ветхозаветного храма» и его первосвященника были наказаны молотом «господней правды»; Римским Папам, его преемникам по лжи, «кривым толкам» и «темным делам» в течение столетий «прощалось много»; но чаша Господнего терпения переполнилась после отрицания очередным Папой свободы совести, «последняя хула» (очевидно, здесь «последняя» — не только самая поздняя по времени, но и самая ужасная), после которой неизбежна гибель Первосвященника как великого грешника. В риторике любой единичный поступок подводится под общие категории. Как пишет Гаспаров, «единичное “что было” демонстрировалось как частный случай общего “что бывает”» [Гаспаров, 1997а, с. 559]. Следует заметить, что обвиняется не только Пий IX — в тексте создан обобщенный образ высшего иерарха католиков; ни один из многочисленных Пап, вне зависимости от личных качеств, не может быть духовным пастырем: как надо всеми людьми довлеет первородный грех Адама и Евы, так на всех католиках, а на понтификах — особенно, лежит грех отпадения в 1054 году католичества от Вселенской церкви. Эту же мысль Тютчев утверждает и в стихотворении-дублете к «Encyclīca» «Свершается заслуженная кара...»: *Свершается заслуженная кара / За тяжкий грех, тысячелетний грех... / Не отвратить, не избежать удара — / И правда божья видима для всех...* [Тютчев, т. 2, с. 64].

В «Encyclīca» Тютчев использовал так называемый «синхронический аргумент», для которого «характерно понимание времени как повторяющейся и воспроизводимой протяженности событий, которые располагаются в определенной последовательности» [Волков, 2009, с. 320]. В тютчевской инвективе, таким образом, утверждается: так было и будет со всеми, кто посягает на основы веры. У Тютчева в этом смысле был огромный выбор аргументов из истории человеческого общества или из Библии.

Тютчев следовал в «Encyclīca» правилам классической риторики, однако это, по справедливому замечанию И. З. Сермана, «не “реторическое” упражнение на заданную тему, а поэтическое произведение» [Серман, 1973, с. 42].

«Истина, — писал В. А. Жуковский, — представленная в действии и, следовательно, пробуждающая в нас чувство и воображение, принимает в глазах наших образ вещественный, запечатлевается в рассудке сильнее и должна сохраниться в нем долее» [Жуковский, т. 4, с. 69]. Рассудочные политические мысли Тютчева в его политических стихах приобретают страстность ораторской речи благодаря аргументам, воскрешающим в памяти живые картины прошлого.

Литература

1. Волков А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. — Москва : Московский государственный университет, 2009. — 398 с.
2. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система / М. Л. Гаспаров // Избранные труды. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — Т. I. — С. 556—585.
3. Гаспаров М. Л. Композиция пейзажа у Тютчева / М. Л. Гаспаров // Избранные труды. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — Т. 2. — С. 332—361.
4. Жуковский В. А. Собрание сочинений : в 4 т. / В. А. Жуковский. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1960.
5. Ларкович Д. В. Авторская индивидуальность и традиция : диалектика частного и общего / Д. В. Ларкович // Творческая индивидуальность писателя в контексте культурной традиции : сборник статей региональной науч.-практ. конф. с международным участием, 23—24 ноября 2012 г. — Сургут : СурГПУ, 2012. — С. 8—15.
6. Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. — Таллинн : Александра, 1993. — Т. 3. — С. 145—171.
7. Михайлов А. В. Поэтика барокко : конец риторической эпохи / А. В. Михайлов // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — Москва : Наследие, 1994. — С. 326—392.
8. Оцуп Н. А. Ф. И. Тютчев / Н. А. Оцуп // Ф. И. Тютчев : Pro et contra : личность и творчество Тютчева в оценке русских мыслителей и исследователей. — Санкт-Петербург : Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. — С. 510—520.
9. Серман И. З. Русский классицизм : Поэзия. Драма. Сатира / И. З. Серман. — Ленинград : Наука, 1973. — 284 с.
10. Тарасов Б. Н. Федор Тютчев о назначении человека и смысле истории / Б. Н. Тарасов // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / ред. О. А. Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2011. — С. 5—33.
11. Толстогузов П. Н. Лирика Ф. И. Тютчева : поэтика жанра : диссертация ... доктора филологических наук / П. Н. Толстогузов. — Москва : Московский государственный педагогический университет, 2003. — 397 с.
12. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. — Москва : Наука, 1977. — С. 227—252.
13. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. / Ф. И. Тютчев; ред. Н. Н. Скатов. — Москва : Классика, 2002—2005.

History as Argument: Rhetoric of Political Poetry by F. I. Tyutchev

© **Galyan Sofya Vitalyevna (2017)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia), sofiavit@mail.ru.

The political poetry of F. I. Tyutchev is considered in terms of classical rhetorical tradition functioning in it. The author believes that the political poems of the poet most clearly expressed his historiosophical ideas about Russia's role in world history, the necessity of unification of the Slavic peoples, etc. Many of these ideas are very controversial, therefore the rhetorical task of persuasion of the opponents should have been addressed by proven and effective ways. Tyutchev used the techniques typical to the genre of the ode as a "ready words" in cases where the issue underlying the political poems was in need of an effective argument. Genre characteristics of odes, thanks to the "eloquent" rhetorical task, consistent with this objective. The author argues that Tyutchev also used the techniques of oratory, including judicial eloquence, in the political poetry. It is shown that many of his poems are built as a journalistic or forensic speech, in strict accordance with the requirements of the composition of such texts. The author concludes that for the evidence of political ideas the poet uses two types of arguments: arguments and examples with a considerable predominance of the latter. The article describes the cases of the use of arguments-arguments and arguments-examples in specific texts and the analysis of the poem "Encyclica" as "associated" speech with all the rhetorical characteristics of the text.

Key words: F. I. Tyutchev; political poetry; rhetoric; odic tradition; types of arguments.

References

- Gasparov, M. L. 1997. Antichnaya ritorika kak sistema. In: *Izbrannyye trudy*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. I. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. 1997. Kompozitsiya peyzazha u Tyutcheva. In: *Izbrannyye trudy*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 2. (In Russ.).
- Larkovich, D. V. 2012. Avtorskaya individualnost' i traditsiya: dialektika chastnogo i obshchego. In: *Tvorcheskaya individualnost' pisatelya v kontekste kulturnoy traditsii: sbornik statey regionalnoy nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, 23—24 noyabrya 2012 g.* Surgut: SurGPU. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. 1993. Poyeticheskiy mir Tyutcheva. In: *Izbrannyye statyi*, 3/3. Tallinn: Aleksandra. (In Russ.).
- Mikhaylov, A. V. 1994. Poetika barokko: konets ritoricheskoy epokhi. In: *Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya*. Moskva: Naslediye. (In Russ.).
- Otsup, N. A. 2005. F. I. Tyutchev. In: *F. I. Tyutchev: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Tyutcheva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Russkoy Khristianskoy gumanitarnoy akademii. (In Russ.).
- Serman, I. Z. 1973. *Russkiy klassitsizm: Poeziya. Drama. Satira*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

- Tarasov, B. N. 2011. Fedor Tyutchev o naznachenii cheloveka i smysle istorii In: Platonov, O. A. (ed.). *Tyutchev F. I. Rossiya i Zapad*. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii,. — S. 5—33. (In Russ.).
- Tolstoguzov, P. N. 2003. *Lirika F. I. Tyutcheva: poetika zhanra: dissertatsiya... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. 1977. Oda kak oratorskiy zhanr. In: *Poyetika. Istoriya literatury. Kino*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Tyutchev, F. I. 2002—2005. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisma*, 6. Moskva: Klassika, (In Russ.).
- Volkov, A. A. 2009. *Teoriya ritoricheskoy argumentatsii*. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Zhukovskiy, V. A. 1960. *Sobraniye sochineniy*, 4. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. (In Russ.).